

БАРВИНОК

№ 5

Журнал ЦК ЛКСМУ и Республиканского Совета Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина для школьников младших классов

МАЙ
1964

vk.com/wean_books

Т

АРАСОВ СВЕТАЫИ МАЙ

Андрей МЯСТКИВСКИЙ

Рисунок А. ГОРОБНЕВСКОЙ

Рассвет ромашек горсти
Метнул в степной простор.
Приехали к нам гости
Из-за морей и гор.

Цветут сады, как чудо,
Высоко на горе.
Спешат, стремятся люди
В наш Канев на Днепре.

Кобзарь там из гранита
Стоит немало лет,
И слово «Заповіта»
Гремит на целый свет.

В глазах — лучи рассвета,
И песня над рекой...
Сбылась мечта поэта:
Свободен край родной.

Наш труд, как праздник ясный,
Нам жить и побеждать,
И на земле прекрасной
Прекрасны сын и мать.

Цветущая калина
Надела свой убор...
Ликует Украина
В кругу своих сестёр.

Лучи бросая всюду,
Идёт из края в край
Для трудового люда
Тарасов светлый май.

Перевод с украинского
Л. ВЫШЕСЛАВСКОГО.

КАЗАШКА КАТЯ

День выдался тяжёлый. Делать смотр Новопетровскому гарнизону приехало высокое начальство — сам батальонный командир из Оренбурга! С пяти утра строилась и маршировала на плацу рота, в которой числился и рядовой Шевченко. И только около полудня изволило начальство предстать перед глазами замуштрованной роты. Спросило, не имеют ли солдаты каких-либо претензий, ругнуло для порядка всех огулом, а поотдельности — кого зуботычиной угостило, кому посулило суд или «зелёную аллею», то-есть шпицрутены. На прощание громогласно пообещало солдатам, что за богом молитва, а за царём служба не пропадёт, и отбыло парходом на Гурьев.

Пробили долгожданную вечернюю зорю.

К истомлённому целодневной муштрой и адской жарой ссыльному поэту подошёл Ираклий Усков.

— Измучились, Тарас Григорьевич? — посочувствовал он поэту. — Пойдёмте чай пить.

Неловко чувствовал себя перед Шевченко комендант форта. Послал его сегодня на муштру. Но ведь обязан был. Разве не понимает этого Тарас Григорьевич?

Тарас Григорьевич понимал. И был благодарен коменданту за сочувствие. И с радостью посидел бы в комендантской квартире за семейным столом, послушал бы щебет Наташи — забавной дочурки Усковых; охотно поговорил бы с черноглазой казашкой Катей — Наташиной няней. Привык он к Кате, полюбил, как родную дочь, за её сердечность, а может, и за суровую сиротскую долю... Ещё на позапрошлой неделе начал было Тарас рисовать её портрет, но до сих пор не кончил... Пойти нынче к коменданту?.. Нет, усталость смертельная!..

— Спасибо, Ираклий Александрович, — отка-

зался от приглашения.— Пойду лучше в шалаш, отдохну в одиночестве. Кланяйтесь Агафье Емельяновне.

Ветер норд-вест, неся со стороны Каспия прохладу. Легче дышалось. Когда дошёл огородам до шалаша, который сам поставил и обсадил вербами,— начал накрапывать дождик: такое благодатное, но уж очень редкое явление в этой безводной пустыне.

Под его тихий шорох заснул Тарас Григорьевич сразу — словно в тёмную бездну провалился. Но этой июльской ночью спокойно поспать ему не удалось.

Около полуночи кто-то неожиданно ворвался в шалаш. Настойчиво и тревожно стал звать сонного Шевченко:

— Горич!.. Слышишь, Горич?.. Вставай, Горич!..

Сквозь сон слышал поэт это странное имя (так прозвала его Наташа, потому что не могла выговорить — Григорьевич), но не мог сообразить, кто и зачем его зовёт. А его звали, будили. Насилу прогнав сон, узнал Чокана.

Чокан, бедный казахский мальчуган из ближайшего от форта стойбища, был частым гостем у Тараса в шалаше. Подолгу, бывало, сиживал, наблюдая, как Горич лепит что-нибудь или рисует, и налету схватывал русские слова, уж

очень хотелось ему научиться разговаривать с этим добрым солдатом!.. Но что ему сейчас нужно от Горича?..

— Это ты, Чокан?.. Что тебе нужно?..

— Вставай, Горич!.. — волновался мальчик. — Беда, Горич!.. Катя крал бай Мусреп!..

— Какая Катя?.. Какой Мусреп? — не понимал Шевченко. — Что ты мелешь?..

— Катя... два джигит... степь... — подбирал Чокан слова, но, видимо, от волнения растерял небогатый запас чужой речи и не мог толком объяснить, что его так встревожило. С досады он чуть не плакал и тащил Горича с постели.

И вдруг страшная догадка молнией пронеслась в сознании Тараса: купец Мусреп украл Катю! Как ужаленный, вскочил Шевченко, выбежал из шалаша.

— Идём, Чокан!..

Спотыкаясь на выбоинах каменистой дороги, опрометью бежали они к комендантскому дому. Неизвестно куда девалась недавняя Тарасова усталость — вытеснили её прочь тревожные мысли. Чего не случалось в этих полудиких краях. Бывало, что крали злоден девочек-подростков. Горе такой несчастной пленнице. Заставит её старый разбойник быть ему женой или продаст такому же, как сам, басурману... Три

дня жевали жвачку в Новопетровске Мусреповы верблюды. Шёл Мусреп со своим караваном и остановился поторговать в форте. Торговал, торговал, да и высмотрел бедняжку Катю! Но он ещё утром ушёл из форта. Не напутал ли Чокан?..

Чокан, как сумел, объяснил:

— Сам видел... Вышел ночью из юрты, а за стойбищем, под скалой, два джигита коней привязали. А сами — в форт. Кто они?

Стал следить любопытный Чокан, ждать, пока вернутся всадники к своим лошадям... А они и не задержались. Принесли что-то закутанное в халат. На коня стали навьючивать. А оно, сопротивляясь, вскрикнуло. И Чокан узнал Катю. А потом, видно, заткнули ей рот, потому что больше не кричала, и поскакали. И ещё узнал Чокан одного джигита, это был Мусрепов слуга...

— Увидел я, — закончил запыхавшийся Чокан свой рассказ, — и к Горичу...

— Спасибо, хлопче, — поблагодарил Шевченко. — А ты не заметил, куда они направились?

— Хива... На Хиву, — показал рукой Чокан в сторону Хивинской дороги.

В комендантском доме, повидимому, спокойно спали. Темно было в нём и тихо. Тарас постучал в окно. — Ираклий Александрович! Катю украли!..

Чиркнула спичка, осветив комнату. Усков бросился на веранду, где спала Катя, а там — остывшая постель. Заохала Агафья Емельяновна, жена коменданта, заплакала, разбуженная шумом, Наташа...

По Хивинской дороге галопом мчало с десятком всадников. Впереди комендант. За ним еле поспевал непривычный к верховой езде Тарас Григорьевич с другими конными солдатами.

Брезжил серый рассвет. Вот-вот должен был выкатиться из-за горизонта багряный диск

солнца. Светлела ровная степная даль. Отскакав добрых тридцать вёрст, кони устали. Но Ираклий Александрович не давал им передышки — старался наверстать потерянное время.

— Ваше высокородие! — воскликнул вдруг один из всадников. — Караван!

На горизонте, чётко вырисовываясь на заалевшем небе, тянулись друг за дружкой чёрные силуэты навьюченных верблюдов. Не иначе — Мусрепов караван! Вероятно, где-то поблизости ночевал и только сейчас тронулся дальше.

Когда через полчаса всадники подскакали к каравану, Мусреп, лъстиво усмехаясь коменданту и молитвенно складывая руки, засуетился, затараторил:

— О аллах! Дорогого гостя послал бедному Мусрепу!.. Чем могу служить, господин комендант?

— Оставь, старик! — сурово оборвал его сладкую речь Усков, кладя руку на рукоять заткнутого за пояс пистолета. — Где девушка?

— Какая девушка? — притворился крайне удивлённым Мусреп. — О чём изволит спрашивать господин комендант, да будет с ними милость пророка.

Комендант вместе с Тарасом Григорьевичем объехал и внимательно оглядел караван: цепочку верблюдов под вьюками, несколько верховых лошадей. Прислужники Мусрепа — словно глухонемые. Не понимали или притворялись, что не понимают комендантской речи. Кати в караване не было.

— Не ошибся ли, Тарас Григорьевич, ваш Чокан? — усомнился комендант. — Может, это вовсе не Мусрепова работа?

— Не думаю, — ответил Шевченко. — Мальчик очень смывлёный. Жаль, что не взяли его с собой. Он бы сказал, есть ли среди Мусреповых слуг тот, которого он узнал ночью.

— Что же делать? — терялся Усков.

НА БАЛУ

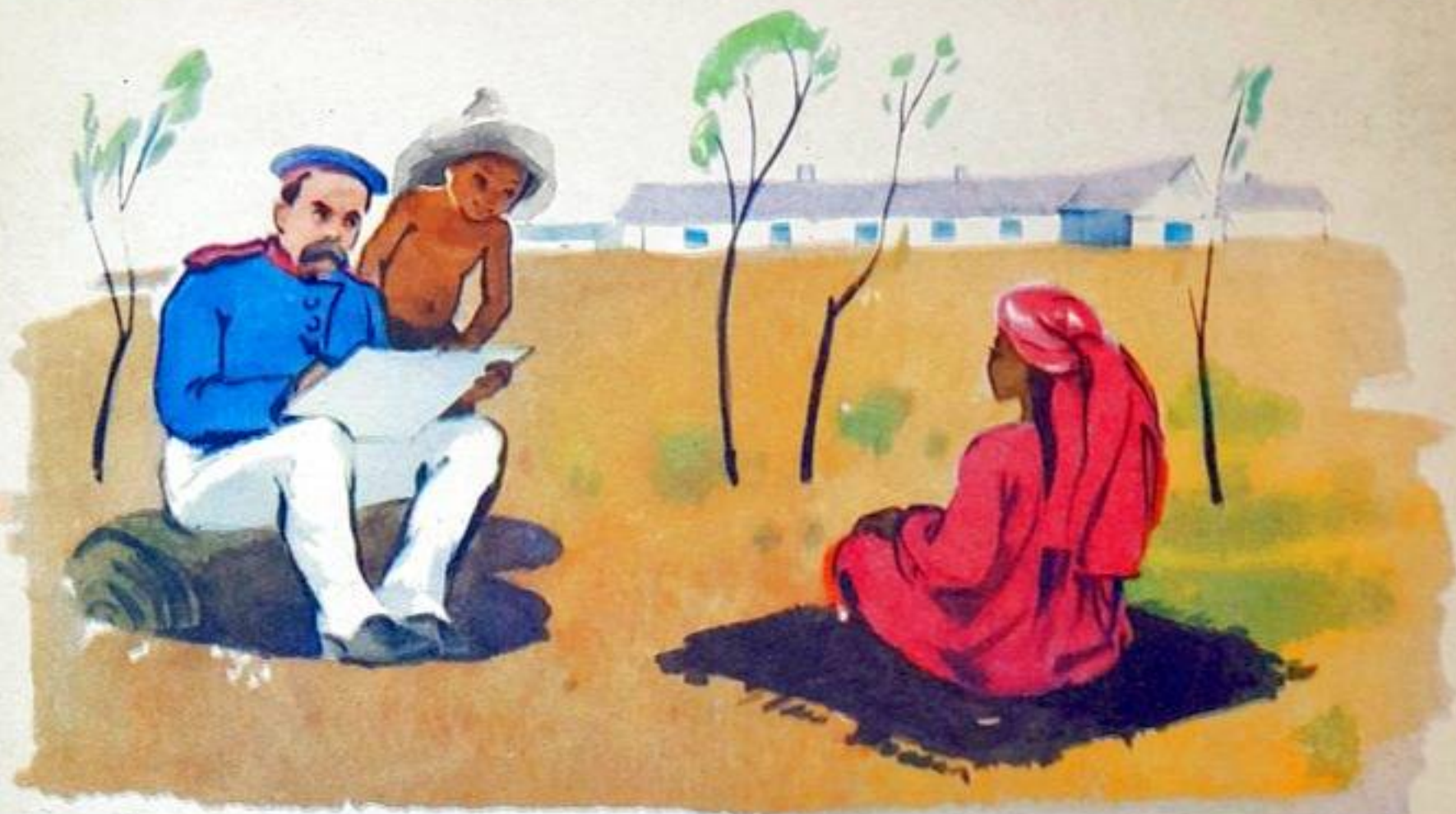
НАРОД О ШЕВЧЕНКО

Пригласили Тараса Шевченко на бал к богатому помещику. Зашёл он в гостиную, сел с гостями, ужинает. Откуда ни возьмись какой-то опоздавший господчик, к столу пробирается. А места все уже заняты, барину сесть негде. Подошёл он к Шевченко: пусть, мол, этот мужик встанет, а я сяду. Берёт барин что-то со стола, ест стоя и с намёком к Шевченко:

— Скажите, Тарас Григорьевич, какая разница между человеком и свиньёй?

— Ясно какая, — ответил Шевченко, — человек ест сидя, а свинья стоя.

Перевод с украинского.

— А вы построже с купцом, Ираклий Александрович, — посоветовал Шевченко. — Видно, шельма несусветная, этот Мусреп. Мог приказать своим людям в степь ускакать с девушкой, спрятаться до поры до времени.

Усков снова подъехал к Мусрепу.

— Ну, спрашиваю в последний раз: где спрятал девушку?

— Аллах ведаёт, — божился купец, — ни одной женщины нет в моём караване!.. Не пойму, какую девушку ищет господин комендант, да благославит его небо!

Напрасно пытался Усков добиться от Мусрепа признания. Упрямый купец стоял на своём: призывал в свидетели всех святых, уверял, что господин комендант зря обижает богобоязненного мусульманина.

Тогда Ираклий Александрович решительно приказал солдатам:

— Купца связать! Отправить на гауптвахту! — и к Мусрепу: — Ты арестован, Мусреп!.. Вели погонщикам возвращаться с караваном в Новопетровск!

— О, смилуйся, господин комендант! Во имя аллаха доброго и милостивого!.. Грех берёшь на свою душу! — взывал купец к Ускову, но тот не обращал внимания. Отъехав в сторону, он молча ждал, пока солдаты связывали Мусрепу руки, сажали его на одну из запасных лошадей, бывших в караване.

Половину пути до форта конвоированный солдатами Мусреп охал, молился аллаху, призывая его на помощь, но, убедившись, что молитва не помогает, стал умолять Ускова:

— Ради аллаха, господин комендант!.. Прости бедного Мусрепа... Дьявол попутал... Верну тебе твою Катю. Прикажи развязать...

Комендант, подмигнув Тарасу, сам развязал Мусрепа.

— Так где же Катя?

— Позволь джигита послать — не успеешь глазом моргнуть, как будет здесь.

— Ладно. Посылай. Но ты с караваном пойдёшь в форт. Привезут Катю — тогда иди, куда хочешь.

Купец подозвал одного из слуг, шёпотом что-то сказал ему, и тот галопом понёсся в степь.

Медленно тащился караван. Вот уже и Новопетровск — вёрст пять до него. Мусреп всё время нетерпеливо оглядывался назад. Наконец попросил коменданта остановиться. Догоняя караван, по степи мчались три всадника. За спиной у одного из них, крепко держась, чтобы не упасть, сидела измученная страхом и скачкой Катя.

* * *

...Через несколько дней, когда черноглазая казашка пришла в себя и на её смуглом лице снова появилась улыбка, Тарас Григорьевич стал дописывать её портрет.

— Ну-ну, Катря, потерпи ещё маленько, посиди спокойно, — ласково говорил он. — Надо же хорошо тебя нарисовать... А то, как украдёт тебя снова Мусреп, так забудем мы, какая ты и была...

— Не украдёт, — смеётся в ответ Тарасу Григорьевичу девушка.

— Не украдёт, — подтверждает и Чокан, любясь работой Шевченко. — Коменданта побойтись!.. Горича побойтись!..

Перевод с украинского
В. КАРАСЕВОЙ.

Владимир СОСЮРА

*Образ пламенный твой
Вереницы годов не затмили.
На советской земле,
В новой вольной семье
Мы тебя, наш Тарас, не забыли.*

Перевод с украинского.

БАЯНУ-КОБЗАРЮ

Я в твоих очах, —
Двух глубоких, как небо, криницах, —
Прочитал твой шлях —
Как орёл в горах,
Ты летаешь, где блещут зарницы.

Шлях твой — путь крутой,
Путь суровый, колючий, тернистый.
Ворог пламень твой
Не залил водой —
И упал твой тиран ненавистный.

Ты живой, Кобзарь,
И звучат твои песни на свете,
И тебе, Кобзарь,
Носят славы дар
Твои вольные внуки и дети.

*Перевод с белорусского
Б. ПАЛИЧУКА.*

Алексей СУРКОВ

ПЕСНЯ ТАРАСУ

Повита рассветным туманом
Седого Днепра ширина.
Над каневским старым курганом
Шумит молодая весна.

По зову весны над могилой
Крылом соколиным взмахни.
В просторы Украинны милой
Открыто и гордо взгляни.

Сровняли рабочие руки
Глухих лихолетий следы.

Выходят Тарасовы внуки
В цветущие счастьем сады.

Одели весенние всходы
Украину в зелёный наряд,
И красные флаги свободы
Над каневской кручей горят.

Бессмертно Тарасово имя
В кругу нашей дружной семьи.
Гремят над полями твоими
Бессмертные песни твои.

Владимир БЕЕКМАН

ЦВЕТЫ ДРУЖБЫ

Тот, кто видел весной Украину,
Не забудет, навек полюбив,
Красоту её степи былинной
И садов белоснежных разлив.

Майский ветер, Славутич могучий,
Где, как на море, волны рябят,
И тарасовы ясные кручи,
Словно друга, встречают тебя.

Было жаркое солнце в зените
Над холмом, где задумчива тишь.
И к поэту, что встал на граните,
Шли эстонец, туркмен и латыш.

Шли с приветом,

с любовью великой

Нашей Родины милой сыны.

Любовался с отцовской улыбкой
Ими славный Кобзарь с вышины.

*Перевод с эстонского
В. ШКОДЫ.*

Валериан ГАПРИНДАШВИЛИ

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

Не кланялся ты варвару-царю,
В тюрьме и кандалах ты рвался к бою.
Сквозь ночь и тьму увидел ты зарю
И вёл народ великий за собою.

Ты среди нас, мы слышим голос твой, —
Не смолкнет славной Украины лира, —
Гремит он, вечный, светлый и живой.
В сердцах людей, на всех широтах мира.

На гибель обрекли тебя цари,
Дни Октября твой гений возродили.
Идут народы в пламени зари
К твоей высокой и святой могиле.

*Перевод с грузинского
Л. КОМПАНИЕЦ.*

УТРО В КАНЕВЕ

Заря янтарём сквозь деревья струится,
Растаял студёный туман над рекой.
И снова роса на листе серебрится.
На гору иду я тропинкой крутой.
То ветка кивнёт мне, то пташка, звеня,
Промчится, приветствуя песней меня.

По-братски сплетаются клёны ветвями,
Ещё луч зари на листе не погас.
Поля голубые лежат перед нами,
Над кручей поднялся великий Тарас.
С глубоким волненьем встречаю зарю,
Привёз из Литвы я привет Кобзарю.

Наш мудрый пророк, наш титан
величавый,
Сбылись все заветные думы твои.
Прими дань любви, уваженья и славы
От вольных народов — от новой семьи.

*Перевод с литовского
Б. ПАЛИЙЧУКА.*

ВІД ЧОГО

Щоки свіжі —
від молока,
Руки дужі —
від молотка.

НОГИ

Ніжні ніжки
не підуть пішки,
Гартовані ноги
всі пройдуть дороги.

РУКИ

В світі найкращі —
Руки роботящі!

ТВОЄ ДІЛО

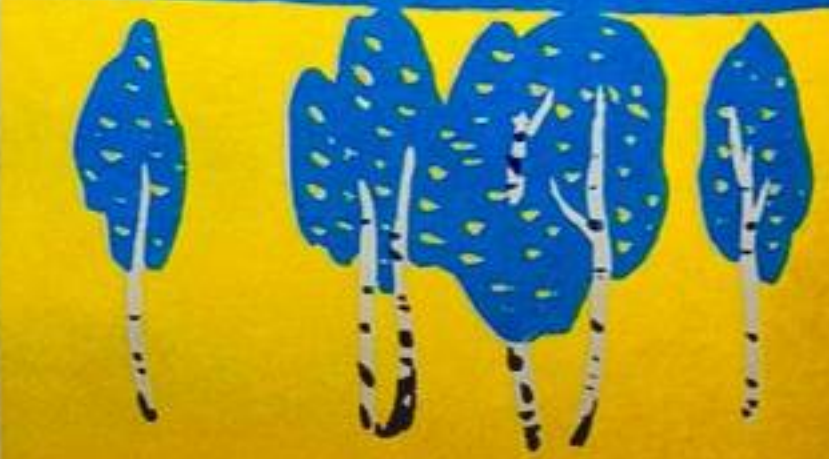
Посадити дерево —
Діло піонерове!

НЕ РУБАЙ

Не рубай берізки —
З неї бризнуть слізки!

Печатаем на украинском языке.

СТИХИ

Рисунки Г. ТУЛЬЧЕВСКОЇ

ЗАРЯДКА

Я роблю зарядку вранці —
На щоках моїх рум'яні!

РАНОК

Тільки встанем уранці —
Зразу станем до праці.

ПОЧАТОК

Все починається в житті з малого:
З зернинки — хліб, з промінчика — зоря.
І Ленін сам важку свою дорогу
Почав також колись із букваря.

ЗВАННЯ

Блиск не красить людей.
Будні краші від свят.
Найзмістовніші — прості слова.
Ти у матері — син,
У Вітчизни — солдат,
Вищих звань у житті не бува!

НАША ЛАНКА

Мов пальці стиснуті в кулак —
Всі в нашій ланці дружні так!

ОЛШЕВНЫЙ МЯЧИК

Вера КАРАСЕВА

Рисунки Г. САВЧЕНКО

Это было во время Великой Отечественной войны. Советские войска освободили от фашистов польский город. Капитан Николай Иванович вошёл в город с передовыми частями Советской Армии и поселился на квартире у одной пожилой женщины, у которой была маленькая внучка.

Отца у девочки не было, его убили фашисты, а мать её работала в госпитале и редко бывала дома.

Бабушка и внучка много горя видели во время оккупации, они радостно встретили Николая Ивановича — своего освободителя и относились к нему, как к самому родному и близкому человеку. Когда капитан бывал дома, маленькая Алинка почти не отходила от него. Она приносила ему букетики жёлтых одуванчиков, приучала свою любимую кошку спать на его постели и рассказывала капитану, как страшно жилось им при фашистах. Николай Иванович знал польский язык и беседовал с Алиной очень охотно.

— Вы знаете, — говорила Алинка, доверчиво глядя на него своими большими добрыми глазами, — вода в нашем колоде стала горькой, потому что из него пили немцы. А воробушки, вы думаете, при них чирикали? Нет... Они сидели, нахохлившись, под крышей и боялись даже пискнуть. И цветы не цвели, совсем не открывали своих глазок. Они прятались от наших врагов так же, как мы с бабушкой.

Может, это было и не совсем так, но Алинке, которая так много горя видела от фашистов, казалось, что всё живое должно было ненавидеть врагов.

Очень часто Алинка просила капитана: — Расскажите, пожалуйста, про вашу Танюшу.

И Николай Иванович рассказывал ей о своей маленькой дочке.

— Когда я уезжал на войну, моя девочка была вот такая крошечная, — говорил он и чуть-чуть раздвигал руки. — Она лежала в коляске, и на головке у неё был пушок, как на одуванчике, а носик очень похож на пуговку. А теперь она уже совсем большая, знает на память стихи и выучила даже две буквы «а» и «о».

— Как она обрадуется, когда вы вернётесь домой! — сказала Алинка.

Капитан покачал головой:

— Боюсь, что не очень. Она ведь меня совсем не знает и, значит, не любит.

— Что вы! Разве можно не любить своего папу! — тихонько вздохнула Алинка.

— Алинка! Да что ты всё сидишь, как старушка! Иди-ка побегай во дворе. — окликнула внучку бабушка.

Алинка взяла мячик и вышла из комнаты, а бабушка сказала капитану:

— Два года прошло, как отца её убили, а всё так же тоскует о нём. Мячик этот — его подарок.

Через неделю воинская часть Николая Ивановича выступала вперёд.

Накануне вечером, лёжа в постели, Алинка позвала к себе капитана.

— Нате, — сказала она и протянула ему свой мячик. — Подарите его вашей Танюше.

— Что ты! Разве я могу взять у тебя твой любимый мячик! — возразил капитан и ласково погладил Алинку по мягким, чуть курчавившимся, волосам.

— Нет, возьмите, — твёрдо сказала Алинка. — Вы же не знаете... Это не просто, а волшебный мячик. Вы отдадите его Танюше, и она сразу вас вспомнит и будет любить. Возьмите, пожалуйста.

— Хорошо, — сказал Николай Иванович и взял мячик.

Поздно ночью, когда все уже спали, он подошёл на цыпочках к Алинкиной кровати и положил мячик ей под подушку.

...Уезжал Николай Иванович на рассвете. Было холодно, на траве лежала роса, и небо чуть розовело на востоке.

Алинка в ватной кацавейке и валенках на босу ногу стояла у ворот, поёживаясь от холода, и, стараясь улыбнуться сквозь слёзы, махала капитану рукой.

Только в полдень, уже далеко от города, заметил Николай Иванович, что у него как-то странно оттопыривается карман гимнастёрки. Сунул в него руку и вытащил Алинкин мячик. Как он попал туда? Непонятно. Он же остался дома, у Алинки под подушкой. Может, и в самом деле это волшебный мячик?

...С той поры прошло

много месяцев. Советская Армия освободила от фашистов Украину и Польшу и далеко ушла в Германию. Капитан Николай Иванович стал майором, и на груди у него появился новый орден. Майор участвовал во многих боях и не раз рисковал жизнью. Но, несмотря на все трудности и на все опасности войны, он никогда не забывал об Алинке, ласковой маленькой девочке, подарившей ему свою самую дорогую игрушку. О мячике он тоже помнил и не раз ощупывал походный мешок, в котором его спрятал.

И свою маленькую дочку Николай Иванович вспоминал всё чаще и чаще и всё больше скучал по ней. Мама прислала ему Танину карточку. На этой карточке Танюша была снята в меховой шубке и в капоре. Она шурилась от солнца и весело

улыбалась. Смотрел на неё майор и думал о том, как бы ещё сильнее бить врагов, чтобы поскорей совсем их разбить и вернуться к Танюше.

Так думал не один Николай Иванович, а все солдаты, офицеры и генералы, все танкисты, моряки и лётчики нашей армии.

И все вместе они разгромили врагов и весной отпраздновали Победу.

...Тёплым весенним утром майор приехал в свой родной город. Трамваи были переполнены, и Николай Иванович пошёл по городу пешком. Вещей с ним не было, свой чемодан он оставил на вокзале, только в кармане гимнастёрки лежал Аликин мячик. Идти было легко. И Николай Иванович не шёл, а почти бежал по улице. Чем ближе к дому, тем сильнее ему хотелось увидеть дочку и тем больше боялся он, что она не пойдёт к нему на руки, а может, и испугается его.

По дороге майору часто встречались дети. Некоторые были немножко похожи на Таню, другие — совсем не такие. Николай Иванович так давно не видел детей и не играл с ними, что если бы он не спешил домой, он бы с радостью взял на руки какого-нибудь малыша и поговорил с ним.

За полквартала от своего дома Николай Иванович увидел девочку лет четырёх. «Очень симпатичная девочка, — подумал Николай Иванович. — Но на мою Танюшу она совсем не похожа. У неё — шапочка, а у Танюши — капор. (Николай Иванович забыл, что теперь

весна, а Таню снимали зимой), у этой девочки — косички, а у Тани — писала мама — волосики коротенькие...

Но всё-таки эта девочка так сильно ему понравилась, что он остановился и стал смотреть, как она сбегает с горки. И вдруг девочка за что-то зацепилась, взмахнула руками и упала. И сразу громко заплакала.

От её жалобного плача у смелого майора заколотилось сердце. Он подбежал к девочке, поднял её и поставил на ноги. Он говорил ей ласковые слова, но это не помогало. Девочка всхлипывала, и крупные, как горошины, слёзы текли по её загорелым замурзанным щёчкам.

Николай Иванович опустил руку в карман, чтобы вынуть чистый носовой платок, и нащупал в кармане мячик. Вот чем он её утешит! Одной рукой он вытирал девочке слёзы, а другой подбрасывал мячик. И тут случилось маленькое чудо: девочка перестала плакать и даже улыбнулась, любуясь мячиком.

— Где твоя мама? — спросил Николай Иванович.

— Дома, — ответила девочка.

— А папа?

Девочка серьёзно, как взрослая, развела руками: — Нету папы. Он на войне. — Потом она погладила мячик и спросила: — Можно мне его взять навсегда?

Николай Иванович растерялся. Он же вёз мячик своей Танюшке. Это был Аликин подарок. И он сберёт его даже на войне, даже в боях. И вдруг здесь, возле

НАШ КОНКУРС

Гравюра на линолеуме. Дина Мясни, г. Киев.

самого дома, он отдаст его незнакомой девочке. Но Таня ведь не падала и не

ушибалась. А главное — к ней вернулся папа. А к этой девочке папа ещё не вернулся и, может, никогда не вернётся. Нет. Алинка ни за что на него не рассердилась бы. Она бы всё поняла!..

— На! — сказал он девочке — Только, пожалуйста, больше не падай и не плачь.

Девочка подхватила мячик, засмеялась и снова вприпрыжку побежала по улице.

А Николай Иванович заспешил домой. Вот он вошёл в парадное того дома, в котором родился, вырос и откуда ушёл воевать. Вот жена настежь открывает перед ним двери.

— Вернулся, — говорит она и смеётся от счастья. — Таня! Папа вернулся! Да иди же скорей, Танюша! — зовёт она, но Тани не видно. Тогда она быстро сбегает вниз по лестнице и вскоре возвращается в комнату. Она ведёт за руку девочку... Ту девочку!.. Ту самую маленькую рёву, в красной шапочке, с коротенькими косичками, которая сказала, что её папа ещё на войне... В руках у неё Алинкин мячик. Она кидает его на пол и прямо бежит к Николаю Ивановичу. И Николай Иванович берёт её на руки.

Так и стоят они втроём, счастливые и радостные: мама, папа и на руках у папы — дочка Таня.

Ну, а мячик? Что делает он?

Мячик прыгает и скачет по комнате и, наверное, тоже радуется, что всё так хорошо получилось. Ведь теперь уже точно выяснилось, что мячик этот не простой, а самый настоящий волшебный.

«Сирота». Вася Мартынюк,
с. Дядьковичи, Ровенской области.

ПОСЫЛАЮ ГОЛУБЕЙ

Владимир ЛАДЫЖЕЦ

Четырѣх я голубей
В небо выпускаю.
С голубями для друзей
Письма посылаю.

Первый голубь в синеву
Улетел крылато
И унёс письмо в Москву
Для сестры и брата.

А второй спешит в полёт
За леса и доли:
На Алтай привет несёт
Для дружка Миколы.

С третьим вѣсть пошлю друзьям
В степь Узбекистана,
А с четвёртым — к берегам
Моря-океана.

Четырѣх я голубей
В небо выпускаю.
С голубями для друзей
Письма посылаю.

*Перевод с украинского.
П. СЫНГАЕВСКОГО.*

Рисунок М. НЕЧИПОРЕНКО.

НАШ КОНКУРС

Т. Г. Шевченко. Марьян Гоголь, с. Выдрань, Чехословакия.

Что горело говорило

Юрий ШКРУМЕЛЯК

Пошёл кузнец из кузницы домой чайку испить, а в кузнице вдруг стали говорить.

«Ба-ба-ба! — произнесла басом тётка Наковальня. — Если б не было меня — как бы сталь ковали? И на чём бы гнул кузнец звонкие подковы? Нет уж, что ни говори, я — всему основа!»

«Фа-фа-фа! — зафыркало старое Горнило. — Ну, а что, кабы я взяло да и остыло? Если б жаркому огню я не помогало — вся работа в кузнице тут же бы и стала».

«Те-те-те! — защёлкали тут клещи зубами. — Ни за что не соглашусь я со всеми вами! Ведь железо вынимают прямо из огня — разве можно обойтись без меня? Ну-ка, подступитесь к раскалённым обручам! Клещи — всех важнее, заявляю вам».

«Фу-фу-фу! И смех и грех! — забасил кузнечный мех. — Бросьте ваши споры. Призадумайтесь, какой от работы прок, если вдруг утихнет мой ветер-ветерок? Кто из вас раздует из угляев жар? Что, притихли? То-то! Я здесь князь и царь!»

Тут двери настежь отворились, кузнец с сыном воротились.

«Давай, сынок, берись за дело: мехом гори раздуй умело. Клещами снести к наковальне железо — то моя забота. Пойдёт сейчас у нас с тобой дружная работа!»

И сказало тогда Горнило: «Видно, зря я себя хвалило. Ни я, ни клещи, ни мех не заменят в деле нас всех. Запомните слова старого Горнила: только в дружбе наша сила».

Перевод с украинского В. ГУЖВЫ.

Рисунок Ю. КРЫГИ

Иллюстрация к стихотворению Т. Г. Шевченко «Тогда мне лет тринадцать было». Володя Сахнюк, с. Семёновка, Сумской области.

Иллюстрация к стихотворению Т. Г. Шевченко «Сон». Оля Волкова, с. Евгеньевка, Одесской области.

УДАРИЛ, КАК ЖОЛУДЬ МЕДВЕДЯ

В этом лесном уголке жил народ мирный. Осинный листочек никогда никого не трогал, сам боялся, чтобы его кто-нибудь не зацепил, и всё дрожал, дрожал... Цветочек Душицы тоже жил в мире с соседями. Особенно хорошо с ним было на рассвете, когда после росы начинало пригревать солнышко. Тогда Душица так пахнет, что люди останавливаются и говорят: «Какой прекрасный цветок!»

Но в лесу жил ещё хвастливый и задиристый Жолудь. Висит на дубе и всё кричит:

— А ну, подойди кто, попробуй! Как сорвусь, да как тресну, косточек не соберёшь!

И все боялись его. И Соловей, и лягушка Ква-Ква-Ква и даже Лесные Колокольчики.

Один Медведь не боялся. Поднял ухо вверх, прислушался и спросил у Сороки:

— А что это там пищит на дубе: Комариха или болтун Комар?

— Так это я уж и болтун! — сердито воскликнул Жолудь. — Ну, держись теперь! Этого оскорбления я тебе не прощу!

Жолудь думал, что в нём сто пудов, что как упадёт на Медведя, то и хребет ему переломит. А того и не учёл, что Медведь уже к зиме приготовился и отрастил себе мех тёплый и густой, как войлок.

Упал на этот мех Жолудь, а Медведь и не почувствовал даже. Ходит под дубом, ищет чем поживиться. А Жолудь кричит:

— Вот я его бабахнул! Как кузнечным молотом! Теперь по всему свету говорить станут: «Бейте так, как Жолудь Медведя!»

Крикнул и скатился с медвежьей спины на землю. Глянул на него Медведь, подобрал и съел.

ТАКАЯ ПАРА, КАК МЫШЬ И ВОЛ

Жила в колхозной кладовой Мышь. И всё слышала, о чём говорили люди. А люди говорили так:

— Вот у нас серый Вол — работающий и прилежный. На какую работу его не поставь, всюду справится. За это ему и почёт. Ездовые его самым хорошим сеном кормят, бурачков подкидывают, а пионерка Лена на правый рог ему ленту голубую повязала. Так он такой красивый стал, как игрушка!

Слушала, слушала Мышь эти разговоры и позавидовала Волу.

«За что ему такой почёт? Ведь не только он в поле работает, а и я. Тем более, что он в поле раз-другой приедет, а и там целое лето живу. Бегаю, хлопочу, не имею покоя. А у него только и работы — воз возить. Подумаешь, большое дело — этот воз? И я могу под ярмо стать!

Начал ездовой надевать ярмо на серого. Мышь так и кинулась к нему:

— Послушайте, Иван, и на меня ярмо наденьте! Я хочу воз вместе с серым Волком тянуть. Чтобы и мне сладкие бурачки подкидывали, чтобы и мне Лена ленту на ухо привязала, только не голубую, а красную. Ужас как красные ленты люблю!

Ездовой исполнил её просьбу, подирыгнул Мышь к Волу. Потом крикнул:

— Гей, гей, мой серый! Тронулись! Цоб-цобе, цоб-цобе!

Налёг на ярмо Вол, воз и тронулся. У Мыши даже голова закружилась от такого успеха. Места себе не находит, так и подирыгивает и выкрикивает:

— Вот работа! Правду говорю вам: нет лучшей пары, чем мышь с волком. Вы только посмотрите, как покатила воз! Как пёрышко!

Суетится Мышь, хвастает, и невдомёк ей, что сидит она, бедная, на ярме и что Вол тянет и воз, и ярмо, и Мышь на нём.

Чем не пара!

Перевод с украинского
Ю. ЧЕРНОГО-ДИДЕНКО.

Е. ГУМАЛКО

Рисунки В. РЕШЕТОВА

К АЛЁНУШКЕ НА ИМЕНИНЫ

На каждой парте лежало по два письма. И в каждом было написано: «Дорогой Юра!.. (А в других письмах — Наташа или Петя, или Илюша). Приглашаю тебя на именины. Ты встретишь у меня много друзей. Уверена, что обрадуешься им.

Алёнушка из твоей любимой сказки».

Вот так приглашение! В гости к самой Алёнушке!

До именин оставалось мало времени — всего одна неделя. А сколько хлопот! Подарки готовить!.. Что тут придумаешь? Игру какую-нибудь? Можно, конечно. В классной игротке сколько угодно замечательных игр. Но кто знает, станет ли в них играть девочка из сказки?

И книжку тоже неплохо бы подарить. Но умеет ли Алёнушка читать? Ни в одной сказке об этом не говорится...

А что, если.. Ну, конечно, это будет самый хороший подарок.

Нарисовать, вышить, вырезать из картона и фанеры всех-всех героев Алёнушкиных сказок! Пусть знает Алёнушка, что все ребята читают её сказки, любят героев этих сказок.

Дорогу к Алёнушке октябрятам найти было нетрудно. На каждом шагу им встречался то зайчик, то празднично одетая лиса, то диковинная птица. И все они спрашивали:

— Куда вы путь держите?

Ребята хором отвечали:

— К Алёнушке на именины.

— Минёте лесок, перебредёте ручеёк, а там уж и близко, — указывали дорогу услужливые зверята.

Гостей у Алёнушки ждал именинный пирог. Только не он удивил и обрадовал ребят, а сама Алёнушка. В пёстром сарафанчике, русая коса до пояса, будто и впрямь из сказки к ним пришла. С Алёнушкой её друзья — братец Иванушка, старичок-лесовичок и много-много разных зверушек.

Только собралась Алёнушка представить их своим гостям, как ребята закричали:

— А мы вас знаем! Мы вас любим! — И стали называть, кто из какой сказки. Алёнушке это очень понравилось. Она напоила гостей чаем и

повела к ручейку — он «протекал» тут же, в зале — совсем, как настоящий, хотя и нарисованный.

Уселась Алёнушка на камушке, — так её когда-то нарисовал художник на картине, — и стала рассказывать сказки, загадывать загадки.

Как водится на именинах, пели песни, танцевали. А когда пришло время прощаться, вдруг раздался грохот, и на пороге появился Мойдодыр.

— Ух, устал я, — пробасил он. — Так спешил, так спешил... Получил приглашение к Алёнушке на именины, а на который час — не могу разо-

брат: клякса накрыла. Как говорится, из-за одного неаккуратного человека многим страдать приходится...

— Не волнуйся, Мойдодыр,— стала успокаивать его Алёнушка. — Это ничего, что ты немного опоздал. А вот насчёт кляксы ты прав: много их ещё у нас. И в тетрадах, и на одежде, и даже на носу бывают. Но ты ведь поможешь октябрятам от них избавиться?

— Конечно, помогу,— пообещал Мойдодыр.

...Так в 1-й школе г. Ромны на Сумщине начал работать клуб октябрят «Малютко». Здесь ребята слушают сказки, интересные рассказы о пионерских делах, о пионерах-героях, устраивают весёлые аттракционы, конкурсы на лучшее исполнение песни, на лучшую тетрадь, игрушку-самодельку.

А организовали этот клуб для октябрят их старшие друзья — пионеры. Директор клуба, Татьяна Савченко, пионерка отряда 5-6 класса,— затейница и прекрасная рассказчица. Это она была Алёнушкой из сказки.

Работает клуб на больших переменах и после уроков. Очень интересно ребятам в клубе...

* * *

А у вас, друзья, в школе есть такой клуб? Если ещё нет, значит, скоро будет. И вы тоже получите приглашение от Алёнушки на именины.

АЗБУКА ИСКУССТВА

БАНДУРА

Каждый из вас любит посещать концерты, слушать музыку, песни. Но все ли вы знаете музыкальные инструменты, на которых исполняются различные музыкальные произведения?

Существуют такие инструменты, которые распространены во всём мире. Но есть и такие, которые появились только в одной стране и на них играет народ только этой страны. Такие народные инструменты есть и у нас на Украине. Сегодня мы расскажем об одном из них — о кобзе или бандуре.

И кобза, и бандура — это, собственно, один и тот же наиболее распространённый украинский инструмент. Только по размеру бандура больше кобзы.

Когда-то, в далёком прошлом, бандуру носили воины-казаки вместе с копьём и саблей. Бандуристы пели думы и исторические песни, сопровождая своё пение игрой на бандуре. В песнях и думах рассказывалось о тяжёлой жизни народа, о борьбе его с польской шляхтой, о турецко-татарской неволе. Бандуристы-кобзари были патриотами своей родины, поэтому о них часто вспоминается и в народных песнях, и в думах. В их честь великий сын нашего народа Тарас Шевченко назвал сборник своих пламенных стихов — «Кобзарь».

Бандура с каждым годом совершенствуется. Сейчас на Украине игре на бандуре учат в консерваториях. В нашей республике есть много талантливых бандуристов-солистов. Среди них — знаменитое трио бандуристок. А Государственную заслуженную капеллу бандуристов знают во всём мире. Сейчас бандуристы исполняют не только народные песни и думы, но и произведения классической и современной советской музыки. Слушатели очень любят талантливую игру на этом прекрасном украинском народном инструменте.

И. ЗАВИСТОВСКАЯ

НАШ КОНКУРС

Индекс 74023

«На барщину». Юдита Левенберг, г. Ужгород.

«На родине Т. Г. Шевченко». Миша Сирохман, г. Ужгород.

На обложке рисунок О. Животкова. Макет А. Львова.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. И. Волгина, В. М. Григорьев, Н. Л. Забила, О. Д. Иваненко, В. З. Нестайко, А. И. Пархоменко,
М. А. Пригара, Б. И. Чалый (ответственный редактор), Н. Е. Шевченко, Ю. Ф. Ярыш.

Художественный редактор Г. Г. Сокиринская.

Адрес редакции: Киев, ул. Пушкинская, 28. Тел. Б 5-01-75, Б 4-13-97.

Подписано к печати 21. IV. 1964 г. Зак. 01023. 3 печ. листа $62 \times 94 \frac{1}{8}$. Учётно-издательских 3,5 печ. листа. Тираж 184 000.

Год издания двадцатый.

Цена 20 коп.

Рукописи не возвращаются.

Издательство ЦК ЛКСМУ «Молодь».

Издательство и комбинат печати «Радянська Україна». Киев, ул. Довженко, 1.